

ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 60-80 ГОДОВ XX ВЕКА

1. Постановка проблемы.

Долгое время исследование национального характера, «психического склада наций» велось в советской литературе лишь с критической целью – с целью разоблачения его расистских интерпретаций в западной социальной мысли. Тем не менее в трудах советских исследователей, особенно в трудах этнографов и психологов, эти проблемы находили и позитивное отражение, хотя и не выделялись в отдельную область знания со свойственной ей методикой и специфическими задачами. Интерес к исследованию этнической, национальной психологии заметно возрос в 60-70-е годы, а в 80-е годы «психический склад наций» стал одной из ведущих тем советской общественной науки. Значительный вклад в разработку проблем национальной психологии внесли работы С.П. Толстого, Б.П. Поршнева, А.Я. Лурия, Я.Я. Рогинского, Н.Н. Чебоксарова, И.С. Кона, Л.И. Горячевой, Ю.В. Бромлея, М.С. Джунусова, Г.М. Андреевой, С.П. Калтахчяна и других. В этот период стали широко известны идеи Л.Н. Гумилева, далеко не всегда совпадавшие с общепринятыми в советской литературе позициями. Завязывались многочисленные дискуссии в научной среде. В этот же период появились литературоведческие и публицистические работы, в которых делались попытки показать, хотя бы в первом приближении, своеобразие национальных характеров отдельных народов: Д.С. Лихачева – русского, В. Овчинникова – английского и японского, Л. Васильевой – английского. Последние имели большой публичный резонанс, по-своему стимулируя разработку теоретических проблем.

В этот же период в научную литературу вошел термин «этнопсихология», который до этого советские исследователи не принимали, считая его «буржуазным». Термин «этнопсихология», наряду с термином «этническая психология», стал широко использоваться в отечественной литературе для обозначения особого направления исследования, в центре внимания которого – психология этнических групп (термин «этнос» интерпретировался при этом достаточно широко, замещая понятие «народ»). Особенно широко этот термин использовался в этнографической литературе, где существовала тенденция рассматривать этнопсихологию как психологизированную этнографию. У социальной психологии были свои притязания: социальные психологи склонны были рассматривать этнопсихологию как составную часть социальной психологии. Например, С.И. Королев, заметив, этнограф, так определял статус этнопсихологии: «Под этнопсихологией мы понимаем отрасль социальной психологии, изучающую те ее особенности, которые обуславливаются этнической принадлежностью конкретной общественной группы. Мы исходим из того, что каждое племя, народность, нация в определенную историческую эпоху обладают рядом психических свойств, присущих данной этнической общности и не присущих или присущих в меньшей степени другой. Не трудно заметить, что несходные географические, экономические и исторические условия породили значительные различия в психологии таких некогда единых по этническим признакам человеческих коллективов и теперь еще близких по происхождению, языку и ступени общественного развития наций, как американцы, австралийцы, новозеландцы и канадцы. В результате возникли заметно отличающиеся культуры, со своими традициями; по-разному складываются взаимоотношения в семье, между полами, между возрастами, неодинаково воспринимаются одни и те же религиозные догмы и т.д. А именно, вся эта система представлений, настроений, действий, свойственных отдельному народу, и является предметом этнопсихологии» (Королев С.И. Вопросы этнопсихологии в трудах зарубежных авторов. М., 1970. С.14).

Следует отметить при этом, что многие авторы, принимая термин этнопсихология, употребляют его не только для обозначения направления исследования, но и самого исследуемого феномена. С этой точки зрения термин «этнопсихология» представляется многим более удачным, чем термин «национальная психология» (Ю.В. Бромлей, Г.М. Андреева и др.).

Это предпочтение не случайно. В марксистской традиции проблемы этнической психологии разрабатывались в контексте учения о нации. Длительное время в фокусе внимания из всех этнических групп были только нации. Концентрация интереса на проблемах нации, диктовавшаяся вполне понятными идеологическими и практическими нуждами – необходимостью теоретического обеспечения национальной политики, привела к тому, что изучение иных типов социальных общностей или не велось совсем или велось этнографами-энтузиастами. В философской литературе их рассматривали как нечто второстепенное, подготовительное для понимания нации. Это исключало из сферы исследования многие проблемы тогда еще колониальных или полуколониальных стран. Актуальность их решения объяснялась, однако, не только практически-политическими потребностями. В советской литературе этого периода заметно возрастает интерес к кардинальным проблемам истории и культуры, и этнопсихология рассматривается как одна из возможностей их углубления. Многие исследователи справедливо считали, что изучение одного из самых «таинственных» и одновременно одного из самых очевидных признаков социальных общностей, может значительно расширить представление о динамике социальных и культурных процессов. В связи с этим многие исследователи полагали, что закреплять этнопсихологию за какой-то одной общественной дисциплиной нельзя. Вывод Г.М. Андреевой о том, что этнопсихология находится на стыке социальной психологии и этнографии (Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980. С.218) принимали не все. Большинство полагало, что закреплять разработку вопросов этнопсихологии за какой-то одной или даже двумя дисциплинами нельзя. Это комплексная проблема и как таковая она является сферой приложения сил представителей многих гуманитарных наук. Философия также должна включиться в эти исследования.

Единогласие относительно терминологии и прежде всего – относительно главного термина, так и не было, однако, достигнуто. Например, говоря о психологии этнических групп (или ее компонентах) многие авторы,

тем не менее, часто употребляют термины «национальная психология», «национальный характер», вместо, казалось бы, более уместных: «этническая психология», «этнический характер». И наоборот. Широко распространенная трактовка этноса как более широкого понятия, охватывающего все типы исторических общностей людей, делала понятия «национальная психология» и «этническая психология» легко взаимозаменяемыми. Традиция эта сохранилась до сих пор.

1. Основные методологические установки.

Что принципиально объединяет советских авторов, занимавшихся проблемами национальной психологии или национального характера в этот период? Это прежде всего общие теоретико-методологические подходы, отсылающие к марксистской традиции изучения общественных явлений. Их разработкой и была занята в первую очередь философия.

1. В советской литературе национальная психология исследуется в связи с общей теорией наций. С этой точки зрения критикуются буржуазные исследования, где, по мнению советских критиков (зачастую правильных), отдельные проявления национальной психологии рассматриваются как совершенно самостоятельные. Исходя из принципа равенства наций, советские авторы в то же время подчеркивают, что этот принцип не означает тождественности наций, одинаковости их свойств. Развиваясь в неодинаковых природных, социальных и культурных условиях различные народы приобрели своеобразие форм поведения, типов мышления и т.д., которые более или менее соответствовали породившим их условиям. Признавая своеобразие национальных свойств и признаков, советские авторы исследовали их как производные от исторических условий, и в особенности от способа производства материальных благ. Таким образом, в советской марксистской литературе нация рассматривалась не только как психологическая общность: национальная психология вторична, она возникает на почве определенных общественно-исторических условий.

2. Важнейшим принципом марксистского исследования национальной психологии полагалась необходимость определенной субординационной связи между национальной и классовой психологией. В советской философии долгое время господствовало мнение, что о национальном чувстве, национальном сознании, национальной психологии может говорить только буржуазный ученый, ученый не-марксист. Несмотря на то, что понятие «психический склад нации» как один из признаков нации был выделен давно (Сталин), ни один из вопросов теории наций не вызывал столько противоречивых суждений, как этот. Существо вопроса при этом часто подменялось опасениями преувеличения духовной общности разных классов внутри нации (Т.М. Рогачев и М.А. Свердлин. О понятии «нация». Вопросы истории. 1966 г., № 1. С.41). Понятие «духовный склад нации», таким образом, рассматривалось как своеобразная угроза марксистскому учению о классовой борьбе. Именно в связи с этим актуализировалось требование их соответствующей иерархизации.

3. Своеобразие национальной психологии исследовалось с точки зрения диалектики общего, особенного и единичного. Хотя каждая нация, взятая в целом, представляется уникальной и неповторимой, любая из ее черт присуща не только ей одной, но в большей или меньшей степени характеризует также и другие народы. Раскрыть психологию народа, это не значит найти в ней такие черты, которые совершенно не присущи другим нациям. Это значит раскрыть ее наиболее значимые социально-психологические характеристики. Ни одна из черт, взятая в отдельности не является абсолютно уникальной. На этот момент особое внимание обращают в своих работах Э.А. Баграмов, Б.Ф. Поршнев, И.С. Кон. (Хотя в советской литературе и были попытки выделить уникальное как национальное, но они были отвергнуты. Например И. Кравцев писал: «У каждого народа есть свой национальный характер. Для русских характерны широта и удаль, ясный ум, храбрость, для украинцев – мягкий юмор и добродушие. Прямота и радушие характеризуют белорусов, гордость и горячность – грузина, хладнокровие и прямотуши – латышей» (Кравцев И. Что такое отечество и патриотизм. М., 1960. С.30). Эта точка зрения, широко распространенная в обыденном сознании, создавшем ряд живучих стереотипов: «легкомысленный француз», «деловитый немец» и т.д. одно время была широко представлена и в западной научной литературе). Уникальны не те или иные качества народа, уникальна, – подчеркивает И.С. Кон, – их структура «структура характеристических черт нации», – Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. С.122-159). Те или другие черты характера присущи всем народам, но проявляются у каждого из них своеобразно, так как своеобразны условия их жизни, быта, пройденного исторического пути, в силу чего у каждого народа своеобразны окраска чувств, эмоций впечатлений, манера поведения. Т.е. качества национального характера не есть что-то заданное изначально, они приобретаются на протяжении всей истории. Многие из этих качеств не всегда проявляются с одинаковой силой. В зависимости от исторических условий и жизненных обстоятельств они могут варьировать. Это касается любой черты – деловитости, храбрости, юмора и т.д. Они характерны для представителей всех наций, но проявляются по-разному. Для русской культуры это не новая идея. Здесь можно вспомнить Л.Н. Толстого, который сравнивая французскую и русскую храбрость, подчеркнул очень интересное различие. Француз, который при Ватерлоо сказал: «Гвардия умирает, но не сдается» – был очень храбр, русский человек таких достопамятных изречений делать не будет, он побоится испортить великое дело; когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, слова не нужны. В этом, по мнению Л.Н. Толстого, особенная и высокая черта русской храбрости.

4. Отсюда вытекает еще одно методологическое требование – при использовании национального характера учитывать относительность любых характеристик. Суть его в том, чтобы избегать абсолютных оценок. Исследователи национальной психологии отмечают различие оценок, которые даются одному и тому же народу их соседями или другими нациями вообще. Это различие оценок в конечном счете зависит от

перспективы, с которой тот или другой народ смотрит на соответствующую нацию. За этой перспективой – различие исторического опыта, включая и опыт общения с представителями данной нации.

Именно в этом русле в 70-80-е годы шли исследования, раскрывающие механизмы возникновения этнических предубеждений, стереотипизации восприятия представителей другой этнической группы и приписывания им особых этнических признаков. Это были достаточно осторожные, теоретически и идеологически выдержанные попытки выйти в сферу конкретного изучения особенностей национальной психологии.

5. Исследование особенностей национальной психики осуществлялось в основном в рамках деятельного подхода. Поскольку основная сфера проявления национальной психологии – деятельность человека, постольку исследование ее возможно лишь при условии анализа продуктов этой деятельности. Наряду с изучением обычаев и традиций, особое значение придавалось при этом анализу народного искусства и языка. Важность языка усматривалась и в том, что в процессе социализации человека именно через язык прежде всего идет передача черт национальной психологии, несмотря на изменчивость социальной среды. Благодаря межпоколенной передаче опыта, возникает определенная инерция, она и выступает хранительницей психических черт.

Таким образом, советские авторы ориентировались при исследовании национальной психологии (этнопсихологии) на культурно-исторический подход. Этот подход был широко представлен к этому времени в зарубежном опыте, в связи с чем очень актуальной оказалась проблема идеологического размежевания. В работах советских авторов было высказано много замечаний относительно недопустимости упрощенного толкования этого подхода. Но главное направление размежевания усматривалось в ответе на вопрос, что является главной детерминантой национальной психологии: национальные отношения, в том числе и национальная психология, по мнению советских авторов, детерминированы всей системой общественных отношений, главную роль в которых играют отношения экономические. Последний тезис не нашел, однако, на наш взгляд, развернутого и убедительного воплощения в конкретных исследованиях, посвященных национальной психологии. Он в основном иллюстрировался отдельными выборочными примерами, подкрепляясь в целом авторитетом марксистской методологии.

Это не значит, что отсутствовали попытки иных интерпретаций. В рамках той же марксистской методологии существовали и другие направления поисков. Некоторые советские авторы при определении нации и особенно при определении специфики этнических групп вообще подчеркивали биологический аспект. Биологический фактор при этом рассматривался в ряду других факторов, но иногда подчеркивалось его самостоятельное значение. Известный советский этнограф В.И. Козлов, например, писал: «В качестве дополнительных условий или факторов сложения этнических общностей может выступать общность религии, а также близость компонентов этноса в расовом отношении или образование значительных переходных (метисных) групп между резко различными в расовом отношении компонентами, как произошло, например, при формировании бразильцев, кубинцев и других латиноамериканских наций» (Козлов В.И. О классификации этнических общностей. Исследования по общей этнографии. М., 1980. С.8). В исследованиях некоторых авторов подчеркивалось, что физический тип и другие биологические признаки вряд ли могут служить показателем этнической общности, поскольку этнические и расовые границы не совпадают, но признавалось тем не менее, что внешние признаки, внешнее сходство имеют известное значение для осознания ее единства, несмотря на то, что они могут широко варьировать. Как бы то ни было при изучении этнических общностей существует биологический аспект, и в советской литературе ему уделялось внимание. В частности, обсуждался вопрос о границах использования методов психиатрии при анализе национальной психологии: можно ли судить о некоторых сторонах психического склада нации по данным о наиболее частых видах психических заболеваний среди ее представителей? Если причиной психических заболеваний или, по крайней мере, фактором, содействующим ему, являются условия жизни людей, то не дает ли такой подход дополнительный источник сведений при разработке проблем национальной психологии? Дискуссии такого рода, инициированные фрейдистской методологией, были широко распространены на Западе. В ходе таких дискуссий давались клинические определения целым народам: русские – истерики, немцы – параноики и т.д. Неясность этиологии многих психических заболеваний, невозможность свести их причины к внешним условиям, условиям социализации и воспитания, разноречивость в статистике, а также категоричность диагнозов, постепенно свели эти дискуссии на нет. В советской литературе так однозначно вопрос не стоял, но какие-то шаги, связанные с интерпретацией данных психиатрии, были сделаны.

Некоторые авторы при исследовании этнопсихологии предлагали обратить внимание на темперамент как один из ее показателей. При этом среди тех авторов, которые полагали, что специфика темперамента может быть рассмотрена как проявление специфики национальной психологии, преобладало мнение о том, что речь должна идти лишь о выявлении специфических сочетаний преобладающих типов темперамента, то есть не о жестком привязывании определенного типа темперамента к определенной этнической группе. Серьезных исследований здесь, однако, не было сделано. Не в последнюю очередь в силу неразработанности проблемы темперамента (и даже вообще утраты к нему интереса) *в общей психологии*.

Что касается изучения способностей как средства выявления специфики национального, то советские авторы в подавляющем большинстве вообще отрицали правомерность такой постановки вопроса. Речь шла при этом не только о том, что подобный подход открывает дорогу к спекуляциям, которые могут быть использованы в идеологических и практических целях. Указывалось прежде всего на недостаточность научного обеспечения для такой постановки вопроса. Национальная психология – явление в значительной мере неясное, неуловимое, загадочное. И объяснение одних неясных проблем через другие, еще более неясные

и неопределенные, может только затемнить существо дела. Современная психология, например, не решила вопрос о том, является ли психика человека системой первичных способностей, то есть располагает ли головной мозг готовыми биологически унаследованными органами, определяющими психическую деятельность человека, или психика человека формируется прижизненно на основе наследственно передаваемой человеком способности мозга создавать функциональные системы, превращающиеся в единые функциональные органы.

Наконец, следует отметить существование географического или экологического направления в исследовании этнопсихологии. Идея о том, что географическая среда оказывала и оказывает влияние на развитие национальной психологии никем в советской литературе не отрицалась. При этом подчеркивалось, что на современном этапе это влияние невелико, но общественная память народа несет на себе следы былых влияний. Советские этнографы, например, именно влиянием естественной среды объясняли наличие сходных черт культуры у народов, обитающих в экологически сходных ареалах. В частности, М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым была выдвинута гипотеза о хозяйственно-культурных типах, которой они хотели показать значение типа хозяйства и географической среды для формирования общности культуры. Эта гипотеза имела прямое отношение к проблемам национальной психологии: во многих случаях, подчеркивали авторы и их последователи, в границах подобного типа наблюдается сходство ряда элементов психики этнических общностей, проживающих на данной территории. Отмечалось, что именно одинаковый уровень исторического развития этнических общностей в сходных географических условиях создает сходные предпосылки формирования их психических качеств. Правда, возникал вопрос, почему все же существуют довольно значительные различия в психологии этнических общностей одного типа, например, у народов, проживающих на острове Индостан. (Некоторые исследователи считали возможным выделение для этих народов единого психологического типа, ссылаясь на то, что неясность представлений о том, по каким критериям следует выделять этот тип, затрудняет ответ на вопрос, так ли велики эти различия).

Особняком в ряду экологических теорий стояла концепция Л.Н. Гумилева, которого постоянно критиковали в советской литературе за географический детерминизм. Л.Н. Гумилев, как известно, не связывал однозначно этническую психологию («динамический стереотип поведения») с географической средой – с ландшафтом. По его мнению, этническая психология не является величиной неизменной, она меняется и не только у разных народов, но и у одного народа в одних и тех же географических условиях она может быть разной. Ландшафту тем не менее Л.Н. Гумилев уделял большое внимание, определяя динамический стереотип как способ его освоения. Главное направление критики Гумилева – его подход к определению этноса, который представлялся не соответствующим марксистским принципам. Именно здесь, а не в определении специфики психологии этноса, нашел выражение его географический детерминизм. Источник этноса (а соответственно и тип энергии, которая используется этносом при освоении ландшафта), Л.Н. Гумилев видел в пассионарности. Пассионарность не возникает от тех или иных ландшафтных условий, она возникает как новый признак, т.е. при изменении генотипа, при мутации, гипотетической причиной которой являются неизвестной природы космические излучения.

III. Структура национальной психологии: терминологические споры.

Вопрос о структуре национальной психологии представлялся в 60-80-е годы XX века одним из важнейших. Он вызывал много споров и дискуссий, значительная часть которых носила терминологический характер. Терминологические споры – это своеобразное знамение этой эпохи, спор о словах, о понятиях зачастую подменяет решение конкретных проблем вообще. В этнопсихологии этих споров было особенно много. Конечно, можно говорить об идеологических причинах, обусловивших в целом такое положение дел. На наш взгляд, однако, эти споры задавались не только идеологическими ограничениями. Обилие терминологических споров было связано и с господствовавшей в советской общественной науке этого периода жесткой установкой на научную строгость, которая требовала формальной строгости используемых в научных исследованиях категориальных рядов. Терминологические споры были своеобразной попыткой рационалистического освоения новой, достаточно туманной, к тому же иррационалистически и мистически истолковываемой в историософских построениях, области исследования и выполняли роль своеобразной теоретической «разминки». Характерно, что в ходе этих споров не только не достигался теоретический консенсус, но наоборот, углублялась терминологическая пестрота. Однако, бесполезными они не были, показав, по крайней мере, тщетность поисков строгих категориальных рамок при исследовании различных аспектов национальной психологии.

Как уже указывалось, для обозначения психологической общности нации (этноса) в отечественной литературе как и в западной, использовались разные термины: «национальная психология» («этнопсихология»), «психический склад нации», «национальное сознание», «национальный характер», «национальное самосознание» и т.д. В некоторых работах между этими терминами не делается различий, но для большинства авторов терминологические предпочтения очень важны. При этом при выборе обобщающего термина принимаются во внимание прежде всего соображения семантики. Так, например, многие указывали на то, что термин «национальный характер» не может использоваться в качестве термина, фиксирующего всю совокупность проявлений психики наций, т.к. понятие «характер», заимствованное из общей психологии, выражает общие черты человека, из которых вытекает определенная линия поведения. Применительно к общественной психологии характер – совокупность таких существенных психических черт общности, которыми определяется направленность ее деятельности. С этих позиций, считает, например, В.В. Шаронов, едва ли можно говорить о едином характере буржуазных наций. Более обоснованным является, по его мнению, утверждение о национальных особенностях проявления характера различных классов, составляющих

нацию (Таранов В.В. Психология класса. Л., 1975. С.103-104). А.И. Горячова признает существование национального характера как наиболее устойчивой характеристики психического склада нации, но отрицает за ним значение обобщающего термина. Таким, по ее мнению, является «психический склад нации» (Горячова А.И. Некоторые моменты социально-психологической характеристики нации. М., 1975). Термином «национальный характер» в этом смысле пользуются Ю.В. Бромлей, С.М. Арутюнян и др.

В свою очередь много споров о понятии «психический склад нации». Здесь опять же на первый план чаще всего выдвигаются соображения семантики. Склад – это что-то уже сложившееся, устойчивое, поэтому, по мнению многих исследователей, если и использовать этот термин, то только для обозначения устойчивых и преемственных элементов национальной психологии, таких как характер, обычаи, традиции, привычки. У социальных психологов были и другие соображения против этого понятия. Г.М. Андреева, например, подчеркивает, что оно достаточно трудно поддается операциональному определению, то есть, переводу на эмпирический уровень. В социальной психологии в связи с этим предпринимаются попытки найти такие эквиваленты этому понятию, которые были бы более доступны для использования их в эмпирических исследованиях (Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980. С.220).

Некоторые советские исследователи вообще выступают против всех этих понятий, утверждая, что в силу антагонистической социально-классовой структуры буржуазных наций можно говорить только о некоторых общих чертах психологии наций и национальном самосознании (Калтахчян С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1976. С.108). Его оппоненты, в частности Ю.В. Бромлей, полагают, что ссылки на внутриклассовую структуру наций не могут служить аргументом для полного отрицания какой-либо общности психических черт внутри буржуазных наций (Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С.91). Реальность национальной психологии проявляется в существовании ряда психологических черт, сформировавшихся под воздействием общих для данной нации социальных факторов и обстоятельств. Большие возражения вызвало и предполагаемое Калтахчяном как наиболее приемлемое «национальное самосознание». Во многих исследованиях подчеркивалось, что понятие «национальное самосознание» может выражать лишь сторону национальной психологии или психической общности наций.

Дискуссии лишней раз показали, что обращение к семантике – не главное средство разрешения споров. С одной стороны, оно необходимо: терминология не должна противоречить тому смыслу, который традиционно вкладывается в содержание того или иного понятия. Но с другой стороны, возможны и новые терминологические конвенции. Дело, однако, в том, что эти новые конвенции, как правило, складываются в ходе конкретных исследований, но их в соответствующей области знания в этот период было явно недостаточно. Преобладали работы общетеоретического и общеметодологического плана, под которые подстраивались и конкретные исследования. В этом плане исследование структуры национальной психологии было значительным шагом вперед, хотя вращалось оно в русле тех же терминологических споров. Сама задача структурирования требовала обращения к исследованию конкретных проявлений национальной психологии.

При анализе структуры национального характера в советской литературе наметилось две тенденции. Первая тенденция – перенесение структуры психологии класса на структуру психологии этнических групп и в частности – нации. Структурирование психологии класса, однако, тоже было проблемой. Существовала лишь общая схема структурирования общественной психологии, которая базировалась на анализе классовой психологии (работы А.К. Улетова, А.И. Горячовой, Б.Д. Парыгина и др.). В этой схеме подчеркиваются, однако, не специфические, а общие для всех социальных общностей компоненты.

Авторы, придерживающиеся первой тенденции, принимают за аксиому одинаковость структуры психологического облика общностей различной природы. В психологии любой большой группы выделяются: характер, привычки, обычаи, традиции, убеждения, мнения, настроения и т.п. Класс и нация имеют одинаковую структуру, различия следует искать путем выяснения различий содержания одних и тех же структурных элементов. В соответствии с традицией, сложившейся в социальной психологии, структурирует национальную психологию этнограф Ю.В. Бромлей. Он различает в этнической общности две стороны:

1) наиболее устойчивую часть – психический склад, куда включается национальный или этнический характер, темперамент, а также обычаи и традиции;

2) эмоциональную сферу, куда включаются национальные или этнические чувства. В этой интерпретации национальный характер выступает как некоторый эквивалент социального характера, как элемент психического склада класса.

При структурировании национального характера особую остроту приобретает вопрос о соотношении национального характера и характеров конкретных представителей данной нации. В соответствии с традицией, установившейся в социальной психологии относительно этого вопроса применительно к сфере социальных отношений и для исследователей национальной психологии (этнопсихологии) была характерна установка, согласно которой психический склад группы не может быть суммой складов личностей, ее составляющих. Национальный характер и в социальной психологии, и в этнографии рассматривался лишь как фиксация каких-то типических черт.

Следует отметить, что в русле первой тенденции национальную психологию структурирует большинство советских авторов. Этот подход не исключает многочисленных расхождений. Приведем несколько примеров с целью их иллюстрации.

Н. Джальдильдин: «В структуру этнопсихологии, кроме национального характера, входят национальное чувство, тесно связанное с ним национальное самосознание и некоторые другие моменты духовной жизни нации» (Джальдильдин Н. Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1971. С.8). П.М. Рогачев и М.А. Свердлин под национальной психологией понимают, с одной стороны, сознание этнической принадлежности, чувства, национальные ценности и отношение к другим нациям, с другой стороны

«психический склад нации», «национальный характер» как совокупность психики, составляющую особую систему мышления и действия (Рогачев П.М., Свердлов М.А. Понятие нации и некоторые аспекты национального вопроса в современную эпоху. Ленинский этап в развитии коммунизма. Киев, 1969. С.212.). С.М. Арутюнян: «Если представить себе духовный облик нации в виде схемы, то в этой схеме можно выделить две стороны: идеологическую и психологическую. К идеологической стороне духовной жизни нации следует отнести литературу, искусство, науку, философию, религию и т.д., а к психологической стороне – психический склад, национальный характер, национальные чувства, привычки, обычаи, традиции и т.д. Между этими сторонами духовного облика нации существует диалектическое взаимопроникновение, взаимосвязь и взаимообусловленность (Арутюнян С.М. Социально-психологические факторы социалистических национальных отношений. Вопросы национальной психологии. Черкесск, 1972. С.56). Национальный психический склад является отражением в сознании людей своеобразных особенностей естественно-материальных условий жизни каждого народа. Психический склад нации, по мнению Арутюняна, категория общенациональная и в то же время – классовая. При этом характер взаимодействия национальной и классовой сторон в психическом складе является различным в зависимости от типа нации, а также от этапа развития. Чем отличается национальный характер от психического склада? Конкретных разъяснений автор по существу не дает. Он подчеркивает только то, что психический склад по своему объему шире национального характера, хотя последний отражает главное в психическом складе. А.И. Горячова определяет национальную психологию как сложный и противоречивый феномен, состоящий из двух элементов: психического склада и национальных чувств, с которыми тесно связано национальное самосознание. Но само национальное самосознание выносится ею за пределы национальной психологии (Горячова А.И. Некоторые моменты социально-психологической характеристики нации. М., 1975. С.49). При всех различиях, характерных для этих подходов (обратим внимание на различное определение места национального самосознания в структуре национальной психологии), общая тенденция не вызывает сомнений.

Другую тенденцию представляют авторы, выступающие против расчленения духовного облика нации по примеру структуры классового сознания. Они, как правило, подчеркивают, что национальное сознание, духовный облик нации не могут быть разделены на идеологию и психологию, т.е. критикуют точку зрения Арутюняна, безусловно упрощающую суть дела. Характерной особенностью этой тенденции является включение национального самосознания в структуру национальной психологии (что, как мы видели, не исключали и авторы, представляющие первую тенденцию), но в целом здесь нет особой новизны – принцип структурирования по существу остается тем же. Степанян Э.Х., критикующий «классовый» подход, так определяет национальную психологию: «Национальная психология представляет собой сложную единую систему, содержание которой составляют чувства, настроения, привычки, традиции, а также мысли, взгляды, представления, связанные с осознанием национальной принадлежности» (Степанян Э.Х. Классовое и национальное сознание. М., 1976. С.8).

Наиболее последовательно и определенно идея о несводимости структуры национальной психологии к тем элементам, которые выделяются при анализе структуры больших исторических групп вообще, выражена в концепции В.В. Шаронова (Шаронов В.В. Психология класса. Проблема методологии исследования. Л., 1975), однако, в основном только в декларативной форме. По мнению В.В. Шаронова, психология класса и психология нации формируется под воздействием различных социально-экономических и духовных факторов. Поэтому и структуры психологического облика этих различных по своей природе общностей людей различны. Так, по мнению В.В. Шаронова, в структуре национальной психологии нельзя выделять характер, который в классовой структуре является главным. Весьма проблематичным является и наличие в структуре национальной психологии воли, как сколько-нибудь значимого и устойчивого элемента. В структуре же психологии класса – воля весьма легко обнаруживающийся элемент. Различия структуры и содержания психологии класса и нации определяют и различие их функциональной роли. Психология класса, по утверждению Шаронова, мотивирует основные его социальные действия, определяет их направленность. Национально-психологические черты и особенности определяют лишь индивидуальное своеобразие этих социальных действий.

* * *

В заключение подчеркнем еще раз: исследования национального характера в советской литературе 60-80 годов развивались в плане общей постановки вопроса и регулировались определенными идеологическими и теоретико-методологическими принципами. Вопрос об исследовании отдельных национальных психологий и характеров, хотя и ставился, но по существу обходился. Это касается и проблемы русского национального характера. Конкретный материал чаще всего использовался для подтверждения тех или иных общих положений, т.е. не был предметом собственных рефлексий. Однако опыт советских исследований национального характера не следует игнорировать. Перед современной социальной теорией стоят те же проблемы и главная из них – ответить на вопрос: несет ли национальная психология какую-то (и какую?) самостоятельную нагрузку во внутренних процессах и во взаимоотношениях с другими нациями и этническими группами? Или иначе: в какой степени «русский характер» можно рассматривать как фактор отечественной истории? В этом отношении опыт исследования этнической (национальной) психологии имеет не только негативное (как не надо делать), но и позитивное значение.